

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 215

15 августа 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному определению) судебной коллегии по уголовным делам ... суда от 26 марта 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 22 мая 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С по обращению (частному определению) судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 26 марта 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ...).

Учитывая эти обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката С.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако полагает необходимым изменить правовое основание для прекращения дисциплинарного производства.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СУ УМВД России по городскому округу ... находилось уголовное дело № ... по обвинению Н. и других лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. На основании заключенного соглашения об оказании юридической помощи защите обвиняемого Н. осуществляет адвокат С. 08 июня 2023 года в отношении Н. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 03 августа 2023 года при участии адвоката С. между обвиняемыми Н. и Б. была проведена очная ставка, в ходе которой Н. свою вину не признал.

Не позднее 03 октября 2023 года обвиняемый Н. выдал адвокату С. собственноручное письменное «поручение» следующего содержания: *«Я, Н., ... года рождения, поручаю адвокату С. оформить у нотариуса заявление о том, что я буду вынужден давать заведомо ложные показания и оговаривать себя».*

Исполняя это поручение, адвокат С. 03 октября 2023 года удостоверил у нотариуса города Москвы Д. заявление следующего содержания: *«Я, адвокат С., защитник Н. в рамках уголовного дела № ..., от имени и по согласованию со своим доверителем заявляю, что с 15 часов 00 минут 03 октября 2023 года обвиняемый Н. будет вынужден давать показания, которые требует от него сторона обвинения, и оговаривать себя в совершении вменяемого ему преступления, так как сторона обвинения занимается не расследованием, а фальсификацией уголовного дела, оказывает на него моральное и психологическое давление, обещает изменить меру пресечения в виде содержания под стражей в обмен на признательные показания. Н. не совершал вменяемое ему преступление и его признательные показания являются самооговором, направлены исключительно на смягчение меры пресечения. Единственными, соответствующими действительности, являются его показания, данные 03 августа 2023 года на очной ставке с Б.».*

04 октября 2023 года обвиняемый Н. обратился к следователю с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. 05 октября 2023 года заместитель прокурора ... Московской области М. вынес постановление об удовлетворении указанного ходатайства, обвиняемого Н. В этот же день досудебное соглашение о сотрудничестве было подписано заместителем прокурора М., обвиняемым Н. и его защитником - адвокатом С.

06 октября 2023 года при участии адвоката С. обвиняемый Н. был дополнительно допрошен по уголовному делу № В ходе допроса он признал свою вину в инкриминируемом ему преступлении.

30 ноября 2023 года Красногорский городской суд Московской области признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на три года и четыре месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Указанный приговор был обжалован адвокатом С. в апелляционном порядке.

14 марта 2024 года в судебном заседании судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката С. на указанный приговор адвокат С. заявил ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела описанных выше «поручения» Н., а также заявления адвоката С., удостоверенного нотариусом. Данное ходатайство было судом удовлетворено. 26 марта 2024 года апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам ... суда приговор ... суда Московской области в отношении Н. отменен, дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд первой инстанции в ином составе.

Одновременно с апелляционным определением судебной коллегией по уголовным делам ... суда вынесено частное определение, которым в отношении адвоката С. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он действовал вопреки интересам доверителя, а именно: будучи убежденным в самооговоре Н., способствовал признанию последним вины и даче признательных показаний, заключению досудебного соглашения и рассмотрению уголовного дела без исследования его материалов и доказательств вины подсудимого. Данные действия адвоката С., по мнению судебной коллегии, противоречат интересам Н., нарушают право обвиняемого на защиту, в связи с чем постановленный приговор был признан судом апелляционной инстанции незаконным.

Адвокат С. в ходе дисциплинарного разбирательства выдвинутое в отношении него дисциплинарное обвинение отрицал. Пояснил, что в силу действующего законодательства обвиняемый имеет право защищаться любыми способами, не запрещенными законом, в том числе давать заведомо ложные показания и оговаривать себя. Обвиняемый Н. не имеет к нему никаких претензий, поскольку все действия адвоката были согласованы с Н. и совершались по поручению последнего.

Рассматривая выдвинутое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного (пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При этом ни эти, ни какие-либо другие положения Кодекса профессиональной этики адвоката не возлагают на адвоката обязанность занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, если он убежден в наличии самоговора своего подзащитного. Адвокату лишь предоставлено такое право, которое он в конкретной ситуации может реализовать либо воздержаться от этого с учетом всех обстоятельств. При

этом в качестве общего правила адвокат руководствуется установленным указанной нормой запретом занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки воле доверителя.

В адвокатской практике нередко возникают ситуации, когда при явном самооговоре подзащитный в доверительной беседе с адвокатом мотивирует необходимость или целесообразность избрания стороной защиты определенной позиции, объясняя такую позицию в том числе угрозами со стороны третьих лиц и настаивая на том, чтобы адвокат не противился его воле, а руководствовался его интересами даже в случае самооговора.

Как описано выше, именно такими обстоятельствами обвиняемый Н. и мотивировал письменное поручение своему защитнику – адвокату С. составить и нотариально удостоверить заявление о том, что в ходе предварительного расследования на него (Н.) оказывается психологическое давление с целью вынудить его дать признательные показания. Адвокат С., исполняя волю своего доверителя, выполнил указанное поручение.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат С. пояснил, что руководитель следственного органа обещал Н., что после того, как последний признается в совершении преступления и подпишет досудебное соглашение о сотрудничестве, ему будет назначено наказание, не связанное с лишением свободы. Поскольку Н. ранее был судим, его устроило это предложение. Эти объяснения адвоката С. ничем не опровергнуты.

Совет при этом отмечает, что в отношении адвоката С. не выдвинуто дисциплинарное обвинение в нарушении п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому не могут быть исполнены адвокатом никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом. Кроме того, в силу п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищаться любыми не запрещенными УПК РФ средствами и способами. Запрет способа защиты, избранного обвиняемым Н. и реализованного адвокатом С., законом не установлен.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. действовал не вопреки позиции своего доверителя Н., а исключительно в его интересах и по его письменному поручению, которое при этом не противоречит действующему законодательству.

Несмотря на то, что обвиняемый Н. следовал достигнутым со следственным органом договоренностям, дал признательные показания и заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, ему было назначено наказание в виде лишения свободы. Не согласившись с таким приговором, адвокат С. обжаловал его в апелляционном порядке, а в судебном заседании апелляционной инстанции представил суду для исследования и приобщения к материалам уголовного дела указанные поручение и нотариально удостоверенное заявление. Такие действия адвоката не могут быть расценены как нарушение положений пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной деятельности адвоката.

Вместе с тем, Совет отмечает, что выдвинутое судом дисциплинарное обвинение представляет собой оценку извне отношений между доверителем и избранным им адвокатом, осуществляющим защиту на основании заключенного соглашения. Однако суд не наделен полномочиями по выдвижению таких дисциплинарных обвинений в отношении адвоката, кроме случаев, когда защита осуществляется адвокатом по назначению суда. В последнем случае, когда самим судьей (судом) в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ реализуются полномочия по обеспечению обвиняемого защитником, судья (суд) обладает правом на выдвижение в отношении адвоката, назначенного защитником, дисциплинарного обвинения в отказе назначенного защитника от принятой на себя защиты и ненадлежащем выполнении защитником профессиональных обязанностей перед доверителем. Такое полномочие судьи (суда) в отношении назначенного защитника основано на взаимосвязанных положениях ст. 48 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в случаях, предусмотренных законом, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления – право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и ч. 7 ст. 49, ч. 2 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, регламентирующих вопросы участия защитника в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя и суда и недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого. Однако во всех случаях, когда адвокат-защитник или адвокат-представитель приглашается получателем юридической помощи или по его поручению (с согласия) иными лицами, только доверитель адвоката вправе выдвигать в отношении него дисциплинарные обвинения, связанные с отказом адвоката-защитника от принятой на себя защиты и ненадлежащим оказанием им юридической помощи.

По настоящему дисциплинарному производству от доверителя адвоката С. – обвиняемого Н. каких-либо жалоб на ненадлежащее оказание ему адвокатом С. юридической помощи не поступало.

При таких обстоятельствах обращение (частное определение) судебной коллегии по уголовным делам ... суда, в котором ставится вопрос о ненадлежащем осуществлении защиты Н. его защитником по соглашению – адвокатом С., не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. По этой причине Совет, соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства, полагает необходимым изменить основание его прекращения и прекратить настоящее дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики

адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по обращению (частному определению) судебной коллегии по уголовным делам ... суда от 26 марта 2024 года (вх. № ...), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков